

POLYSTORIA

Содержание

- 6 *Михаил Бойцов*. Polystoria: новая серия — новые надежды

СИМВОЛЫ И АРТЕФАКТЫ

- 10 *Михаил Бойцов*. Папа римский в Константинополе
36 *Владимир Петрухин*. Хазарское начало русской истории
72 *Фёдор Успенский*. Под Мухой Победы.
Конунг Сверрир и его знамя

КАМНИ И ОБРАЗЫ

- 92 *Андрей Виноградов*. Христианское зодчество после арабов:
в поисках новой идентичности. Абхазское царство,
Тао-Кларджетия, Картли и Кахетия
136 *Олег Воскобойников*. Литературные истоки готической
физиогномики

ДОРОГИ ВЕРЫ

- 166 *Михаил Дмитриев*. Иудаизм и евреи в зеркале
восточноевропейских православных и католических
текстов XV–XVI вв.
194 *Олег Воскобойников*. Лотарио де Сеньи и его трактат
«О ничтожестве человеческого состояния»
206 *Лотарио де Сеньи*. О ничтожестве человеческого состояния.
Перевод с латыни *Ильи Аникьева*

- 262 Список иллюстраций
265 Список сокращений
267 Указатель имен, литературных произведений,
географических названий. Составитель *Наталья Тарасова*
278 Авторы
279 Abstracts
283 Contents

Polystoria: новая серия — новые надежды

У нас большая радость! Напечатав за последние годы несколько томов исследований под общим названием Polystoria, Издательский дом ВШЭ предложил нам сделать следующий шаг: открыть книжную серию POLYSTORIA. Если позволить здесь себе ботаническую метафору, саженец подрос и выпускает новые стебли. Теперь их у него три. Первый — это продолжение старой доброй Polystoria — коллекции наших собственных исследований. Второй сложится из монографий — как новых, так и классических, заслуживающих переиздания. Третьим же станут средневековые сочинения — их переводов накопилось уже у нас изрядно. Насчет четвертого, пятого и шестого загадывать пока не будем...

Открыть книжную серию мы решили с того, чтобы заново издать все уже вышедшие тома Polystoria, но необязательно в том же порядке, в котором они появились на свет. Волею судеб тому о «зодчих, конунгах и понтификах» повезло — именно с него теперь все и начнется.

Прежде чем позволить читателю углубиться в любое из вошедших в эту книгу исследований, стоит объяснить ему происхождение названия серии. Уже вскоре после создания нашей Лаборатории медиевистических исследований в 2012 г. мы вдруг осознали: академические интересы ее сотрудников столь различны, что искать общий заголовок собранию подготовленных в ней трудов — дело едва ли не безнадежное.

Тогда вместо того, чтобы силиться приглушить разнообразие тем, методов и подходов, обсуждавшихся в Лаборатории, не лучше ли, напротив, подчеркнуть его? Поставленный так вопрос привел к появлению названия Polystoria — не выдуманного сгоряча, а элегантно заимствованного у папского скриптора Джованни Каваллини де Черрони, жившего в начале XIV в. (Надеемся, что Святой Престол не предъявит претензий к присвоению находки, сделанной скромным служащим авиньонской курии.)

Разве «полистория», или «множественность историй», — не самое подходящее определение как для усилий одного отдельно взятого исследовательского центра, так и для всего современного

историописания? Одни из доминировавших когда-то в историческом знании «больших нарративов» вовсе рассыпались в прах, другие — пошли трещинами, а третьи — развалившиеся недавно — на наших глазах наспех пытаются склеивать. Старания эти, конечно, окажутся напрасными, но времени и усилий на них уйдет изрядно.

Еще недавно более или менее единая История (в различных ее — тоже исторически сменявшихся — вариантах) замещается в последние десятилетия множественностью разнонаправленных историй, очень по-разному «рассказываемых» все в большем числе различных сообществ. Они обычно отрывочны, эклектичны и, конечно, противоречат друг другу (как заметит склонный к ностальгии скептик) или же проявляют полифоничность (как скажет неисправимый оптимист).

Наша книга, пожалуй, тоже могла бы претендовать на полифоничность, ведь речь в ней пойдет не об одних лишь средневековых архитекторах, вождях викингов и римских понтификах, обещанных в заглавии, — хотя и этих трех групп героев хватило бы на многие тома. Перечисленные персонажи выделены лишь в качестве характерных представителей куда более многочисленной и пестрой компании героев наших историй. Важнее то, что беспокоить тени всех этих давно ушедших людей нас заставляет не один только интерес к их персонам, пусть даже ими заслуженный. За каждым рассмотренным в этой книге сюжетом проглядывает та или иная серьезная общая проблема.

Это может быть вопрос о реальном и символическом (дис)балансе власти императора и церкви в первые века Средневековья или о своеобразии древнескандинавского мировидения, отразившегося в странных языковых метафорах. Не менее интригуют запутанные взаимоотношения хазар, славянских племен, варягов, ромеев, мадьяр и всех прочих — в самый канун рождения Киевской Руси, ведь именно из этого клубка она в конце концов и выросла.

Как новым, так и не столь уж новым политическим сообществам постоянно приходится искать (точнее, выстраивать разными способами) собственную идентичность. Можно ли проследить, как именно некоторые из них это делали — в частности, на примере столь выразительного средства воздействия, как архитектура? Архитектура же, как и монументальная пластика, живопись или прикладное искусство, ставит сложнейшую задачу перед историком, мечтающим постичь культуру

эпохи в ее целостности. Отправляясь на ее поиски, естественно постулировать, что в визуально-пространственных видах искусства должны проявляться те же общие основания, какие можно уловить и в видах искусства, построенных на слове: литературе, философии, богословии, праве... Вопрос состоит лишь в том, где и как обнаружить такие гипотетические общие основания, какими словами их назвать (если, конечно, исходное понимание культуры как целостности не ошибочно в самом корне) или, иными словами, как перебросить надежные мостки от «архитектуры» к «схоластике»? Один классик, помнится, попробовал это сделать, но уж очень много критики вызвала его блистательная по смелости попытка...

А нельзя ли выявить столь вожделенные общие основания не в виде общего осадка при последовательном «процеживании» разных родов творчества в одной и той же культуре, а напротив, сталкивая ее всю целиком с культурой «внеаходимой» — пусть и близкой, но все же заведомо иной? И тогда сопоставление даже по одному-единственному (пускай и не центральному) пункту не окажется ли настолько красноречивым, что позволит сделать выводы самого общего плана? Не найдем ли мы так другую — и более надежную — дорогу к исконной «целостности»?

Если читатель вдруг останется разочарован теми историями, которые мы расскажем ему в этой книге, если не обнаружит в них ничего, что приблизило бы его к решению проблем, бегло перечисленных выше, ничего, что указывало бы ему, где искать ответы на вопросы, которые он и сам склонен задавать прошлому, то советуем ему сосредоточиться на заключительном разделе. Надеемся, что тогда он простит нам слабость усилий, осознав вполне, сколь далеко от совершенства человеческое состояние как таковое. В этом его наверняка убедит признанный знаток вопроса и последний в списке наших авторов — кардинал Лотарио де Сеньи, он же будущий смиренный слуга слуг Божьих Иннокентий III.

Символы и артефакты

Папа римский в Константинополе

doi:10.17323/978-5-7598-2311-7_10-35

I.

24 октября 711 г. жители Константинополя торжественно встречали папу Константина I (708–715), прибывшего по весьма настоятельному приглашению императора Юстиниана II (685–695 и 705–711). Епископы Ветхого Рима и ранее не раз бывали на Босфоре — первым там принимали (притом тоже со всей пышностью) Иоанна I еще в 525 г. Вряд ли хоть одному из жителей столицы, радостно приветствовавших Константина I, могло прийти в голову, что следующего визита римского епископа придется ожидать более двенадцати с половиной веков: он состоится только в 1967 г. Поскольку же грядущая историческая значимость события 711 г. осталась для современников сокрытой, упомянуто оно оказалось лишь в единственном сочинении. Это полуофициальная папская хроника *Liber pontificalis*, начатая еще, видимо, в 530–535 гг. или чуть позднее и время от времени дополнявшаяся вплоть до конца IX в.¹ Создатели *Liber pontificalis* вдохновлялись, похоже, не столько агиографическими сочинениями или переведенной Иеронимом на латынь и дополненной им «Хроникой» Евсевия Кесарийского, сколько творчеством вполне светских биографов императорского Рима — Светония, Аврелия Виктора, авторов (а скорее всего, все же единственного анонимного автора) жизнеописаний Августов². Как и ряд других очерков в *Liber pontificalis*, биография Константина I

¹ О создании хроники см. прежде всего: Geertman H. La genesi del *Liber pontificalis* romano. Un processo di organizzazione della memoria // *Liber, Gesta, histoire. Écrire l'histoire des évêques et des papes, de l'Antiquité au XXIe siècle* / éd. par F. Bougard, M. Sot. Turnhout, 2009. P. 37–107. О том, как неожиданно ее повествование обрывается на 886 г. фрагментом биографии Стефана V, см. недавнюю публикацию: Herbers K. Das Ende des alten *Liber pontificalis* (886) — Beobachtung zur Vita Stephans V. // *MIÖG*. 2011. Bd. 119. S. 141–145.

² McKitterick R. La place du *Liber pontificalis* dans les genres historiographiques du haut Moyen Age // *Liber, Gesta, histoire...* P. 23–35, особенно P. 28–31, 35. Предельно близкая по содержанию статья — практически просто перевод — опубликована на немецком: Eadem. Die Überlieferung eines bestimmten Bildes der Stadt Rom im frühen Mittelalter: der *Liber Pontificalis* // *Bischöfe, Klöster, Universitäten u. Rom: Gedenkschr. für Josef Semmler (1928–2011)* / hrsg. v. H. Finger. Köln, 2012. S. 33–45.

основывается, видимо, на довольно подробных записках какого-то современника. Он был настолько близок к папе, что вошел в узкий круг лиц, сопровождавших его в поездке на восток³.

В рассказе о посещении Константином I новой столицы империи автор его жизнеописания между делом обронил замечание, давно уже привлекавшее пристальное внимание историков политического символизма. По словам хрониста, при появлении понтифика в Константинополе его голову украшал «камелавкий, — как это бывает обычно, когда он [папа] шествует [в процессии] в Риме»⁴.

Приведенная фраза является самым первым упоминанием какого-то особенного головного убора римского папы и потому, естественно, вызывает немало вопросов исследователей. Как выглядел «камелавкий»? Полагался ли он одним только епископам Рима? Что он символизировал? Почему появление папы в нем было отмечено хронистом? А главное, как «камелавкий» связан с двумя более поздними головными уборами понтификов — митрой и, в особенности, знаменитой тиарой — главным символом папской власти⁵ (илл. 1)?

Подробно рассматривать историю происхождения и развития римской митры и папской тиары здесь нет возможности, но без некоторых общих сведений обойтись трудно. Впервые головной убор папы назван тиарой (*thyara*) в том же *Liber pontificalis* — только в более поздней части этого сочинения — при описании избрания папы Пасхалия II в 1099 г.⁶ Как полагает Г. Ладнер, это терминологическое

³ Такая оценка дана еще в давней работе: *Rosenfeld F.G. Über die Komposition des Liber pontificalis bis zu Papst Constantin (715): inaug. Diss. Marburg, 1896. S. 56.* О том, что биографии римских епископов, правивших с 530 по 816 г., составлялись для *Liber pontificalis* их современниками, см.: *Noble Th.F.X. A New Look at the Liber pontificalis // АНР. 1985. Vol. 23. P. 348–358, особенно P. 348.* Более того, такие очерки далеко не всегда были посмертными, так что герои повествований могли оказывать влияние на своих биографов. Тем не менее авторы примерно трети биографий (в частности и папы Константина I) не ограничивались передачей собственных впечатлений (или служений заказчика), но проводили те или иные архивные разыскания: *Ibid. P. 383, 358.*

⁴ «...apostolicus pontifex cum camelaucio, ut solitus est Roma procedere...» (LP. Vol. 1. P. 390).

⁵ Из историков, занимавшихся происхождением церковных и светских инсигний, кажется, одна лишь Э. Пильтц почему-то отказалась от обсуждения камелавки папы Константина: *Piltz E. Kamelaukion et mitra: Insignes byzantins impériaux et ecclésiastiques. Stockholm, 1977. (Acta universitatis Upsaliensis; Figura nova series 15).*

⁶ «His aliisque laudibus sollempniter peractis, clamide coccinea indutur a patribus et thyara capiti eius imposita comitante turba cum cantu Lateranum vectus [...] adducitur» (LP. Vol. 2. P. 296).

новшество обязано своим возникновением Вульгате, где слово «thyara» относилось к головному убору первосвященника наряду, впрочем, и с другими его обозначениями: «mitra», «cidaris», а также, что для нас существенно, «camelaucum»⁷. Несомненно, папы и ранее 1099 г. носили особые шапки или венцы, только называли эту часть облачения тогда не тиарой, а «regnum», «frygium» или даже «corona» — словами, вызывавшими ассоциации отнюдь не с ветхозаветными первосвященниками, а с римскими императорами⁸. Название же «тиара» станет обычным только с XIII в. «Фригий» упоминается впервые в «Константиновом даре» — знаменитой фальшивке VIII в., — там этот головной убор назван на почетном месте среди подношений императора Константина Великого папе Сильвестру. Однако нет ни единого свидетельства того, чтобы кто-либо ранее автора «Константинова дара» называл головной убор римских епископов словом «фригий». Самые ранние сохранившиеся изображения такого убора донесли до нас монеты папы Сергия III (904–911)⁹ (илл. 2а и 2б) и Бенедикта VII (974–983) (илл. 3). Папская шапка на них предстает облегающим голову, невысоким и слегка заостренным кверху «колпаком». Однако когда и при каких обстоятельствах папы начали им себя украшать, по-прежнему остается неясным, несмотря на все усилия историков.

Тиара, как известно, не используется в папском богослужении, тогда как митра, напротив, относится к литургическим облачениям. Именно эту принципиальную разницу имел в виду Иннокентий III, когда писал: римский папа носит тиару (regnum) в знак своей светской власти (signum imperii), а митру — в знак власти святительской (signum pontificii). Митру он может носить всюду и всегда, тиару же — не везде и не всегда¹⁰. Введение митры являлось серьезным

⁷ *Ladner G.B. Der Ursprung und die mittelalterliche Entwicklung der päpstlichen Tiara // Tainia. Roland Hampe zum 70. Geburtstag am 2. Dez. 1978 dargebr. von Mitarbeitern, Schülern u. Freunden / hrsg. v. H.A. Cahn, E. Simon. Mainz, 1980. S. 449–481, здесь S. 461.*

⁸ *Ibid. S. 461–462.*

⁹ Подробно: *Ladner G.B. Die Papstbildnisse des Altertums und des Mittelalters. Bde. 1–3. Bd. 1. Città del Vaticano, 1941. (Monumenti di antichità cristiana; ser. 2, 4). S. 160–161; Taf. 25c.*

¹⁰ «Romanus itaque pontifex in signum imperii utitur regno, et in signum pontificii utitur mitra; sed mitra semper utitur et ubique; regno vero nec ubique, nec semper» (PL. Vol. 217. P. 481–482).

новшеством, ведь ранее священнослужители следовали словам апостола Павла: «Всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову»¹¹.

Митра упоминается впервые при папе Льве IX (1049–1054), когда архиепископ Трирский получил в качестве особого отличия «mitra romana», с тем чтобы он и его преемники «по римскому обычаю» носили ее при богослужении (илл. 4). Вскоре последовали аналогичные пожалования другим епископам и аббатам, так что уже в XII столетии митра перестанет быть прерогативой папы римского и превратится в обычное облачение католических прелатов. В данном случае свидетельства текстов на редкость точно подтверждаются иконографическими памятниками: изображения митры встречаются со второй половины XI в. — сначала изредка, затем все чаще, а с XII столетия в изобилии.

По поводу возможной связи камелавкия папы Константина I с митрой или тиарой в исследовательской литературе были высказаны три основных мнения. Поскольку в деталях они рассмотрены в книге Б. Зирха¹², здесь достаточно лишь бегло обрисовать их. Первое мнение лучше всего представлено Х.-В. Клевицом, уверенным, что камелавкий Константина I являлся прототипом (Urbild) папской короны, «за которой лишь в более позднее время закрепилось название тиары»¹³.

Второе мнение выражено прежде всего Й. Брауном, усматривавшим в камелавкии прообраз вовсе не тиары, а митры: хотя изначально папский камелавкий не имел отношения к литургии, в X столетии понтифики начали носить его и во время богослужения¹⁴. Несколько иначе расставляет акценты Э. Айхман: во-первых, он строго различает камелавкий и фригий, а во-вторых, полагает, что из фригии (regnum) возникла тиара, тогда как камелавкий постепенно превратился в митру¹⁵.

¹¹ 1 Кор 11: 4. См. об этом: *Schramm P.E.* Herrschaftszeichen und Staatssymbolik. Bde. 1–3. Bd. 1. Stuttgart, 1954. S. 52. (MGH Schriften; 13/1).

¹² *Sirch B.* Der Ursprung der bischöflichen Mitra und päpstlichen Tiara. St. Ottilien, 1975. S. 48–107.

¹³ *Klewitz H.-W.* Die Krönung des Papstes // ZRG. KA. Bd. 30. 1941. S. 96–130, здесь S. 109. Того же мнения придерживался еще Л. Дюшен (LP. Vol. 1. P. 394).

¹⁴ *Braun J.* Die liturgische Gewandung im Occident und Orient: Nach Ursprung und Entwicklung, Verwendung und Symbolik. Freiburg i. Br., 1907. S. 432.

¹⁵ *Eichmann E.* Weihe und Krönung des Papstes im Mittelalter. München, 1951. (Münchener theologische Studien. III. Kanonistische Abt.; 1). S. 22, 27, 29.

Наконец, третье мнение связано прежде всего с именем Т. Клаузера: он считал, что от камелавкия 711 г. происходят и митра, и тиара¹⁶. За Т. Клаузером последовал и П. Зальмон, хотя линия преемственности от камелавкия к тиаре его не интересовала — он полностью сосредоточился на связи между камелавкием и митрой¹⁷.

Обстоятельный спор возник по поводу формы камелавкия папы Константина — был ли он несколько вытянут вверх (мнение П.Э. Шрамма¹⁸) или же, напротив, плотно облегал голову (точка зрения Й. Деэра¹⁹). Вопрос этот только на первый взгляд кажется сугубо антикварным и не стоящим сломанных из-за него копий. То или иное видение камелавкия Константина было тесно связано у обоих историков с их общими представлениями о характере папской власти.

П.Э. Шрамм исходил из того, что шапка папы Константина была не круглой, а конусовидной, потому что хотел увидеть в ней прямую предшественницу фригия-тиары. Согласно его концепции, папы носили головной убор, похожий на тиару, задолго до появления «Константинова дара». Й. Деэр же хотел показать, что камелавкий папы Константина не имел по своему облику (а следовательно, и по своей сути) ничего общего с будущей папской тиарой.

«Продолговатая» папская тиара вместе с ее вероятными предшественниками — фригием и камелавкием — представлялась П.Э. Шрамму императорским пожалованием. Уже Т. Клаузер развивал гипотезу, что папы получили от государей инсигнии, полагающиеся светским

¹⁶ *Klauser Th.* Kleine Abendländische Liturgiegeschichte: Bericht und Besinnung. Mit zwei Anhängen: Richtlinien für die Gestaltung des Gotteshauses. Ausgewählte bibliographische Hinweise. Bonn, 1965. S. 65.

¹⁷ *Salmon P.* Mitra und Stab: Die Pontifikalinsignien im Römischen Ritus. Mainz, 1960. S. 17, 21, 28.

¹⁸ *Schramm P.E.* Op. cit. S. 52–55 («eine spitze Haube»).

¹⁹ *Deér J.* Byzanz und die Herrschaftszeichen des Abendlandes // BZ. 1957. Bd. 50. S. 420–421. Перепечатано в кн.: *Idem.* Byzanz und das abendländische Herrschertum. Ausgewählte Aufsätze / hrsg. v. P. Classen. Sigmaringen, 1977. S. 55–56. (Vorträge u. Forschungen; 21). Если бы камелавкий был конусовидным, как тиара, этим словом не обозначались бы ни купол над троном в константинопольском дворце, ни полусферическая корона императоров — аргументирует Й. Деэр. Кроме того, он приводит из письма Иеронима подробное описание «круглой шапочки», носимой клириками. Полное согласие с Й. Деэром относительно формы «камелавкия» Константина выражено и в ст.: *Ladner G.B.* Der Ursprung... S. 450; *Idem.* Die Papstbildnisse... Bd. 3. Città del Vaticano, 1984. S. 273–274.

имперским официалам высокого ранга²⁰, а П.Э. Шрамм теперь отнес к числу таких инсигний и тиару²¹.

Й. Деэр же «освободил» папскую символику от ее предполагаемой П.Э. Шраммом зависимости от светской власти и видел в «круглом» камелавкии часть не императорского, а патриаршего облачения. Используя наблюдение А. Грабара, что еще в VI столетии патриархи Александрийские (которых, кстати, тоже называли *paras*) носили белые шапочки, известные благодаря традиционной иконографии св. Кирилла²² (илл. 5), Й. Деэр предположил, что похожей шапочкой мог пользоваться и римский папа в качестве «патриарха Запада». Константин I — сириец по происхождению — должен был хорошо знать одеяния восточных патриархов — если не Александрийского, то Антиохийского (правда, никаких сведений о головных уборах ни Антиохийского, ни Константинопольского патриархов не сохранилось). Впрочем, приписывать именно Константину I введение камелавкии в Риме нет необходимости: во-первых, он был отнюдь не первым сирийцем на римской кафедре, во-вторых, не обязательно именно сирийцы должны были принести в Вечный город патриарший головной убор, тем более что, в-третьих, неизвестно, когда именно он вообще появился в Риме²³. Образцом же для патриарших камелавкиев в Александрии и Риме должен был послужить головной убор первосвященника Аарона, как его себе тогда представляли. Оттуда же — из Библии — происходит, как уже говорилось, и само слово «камелавкии».

²⁰ Подробнее см.: *Klauser Th.* Der Ursprung der bischöflichen Insignien und Ehrenrechte. Rede gehalten beim Antritt des Rektorats der Rheinischen Friedrich-Wilhelm-Universität zu Bonn am 11. Dez. 1948. Krefeld, 1953. См. и возражения против этой концепции: *Engels O.* Der Pontifikatseintritt und seine Zeichen // *Segni e riti nella chiesa altomedievale occidentale / a cura di O. Capitani.* Vol. 2. Spoleto, 1987. P. 707–766. (Settimane di studio del Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo; 33).

²¹ *Schramm P.E.* Op. cit. S. 54.

²² Рецензия на книгу П.Э. Шрамма: *Grabar A.* L'archéologie des insignes médiévaux de pouvoir // *J. de savants.* 1956. Nr. 8. P. 6–19, здесь P. 8. Происхождение этого головного убора, согласно Грабару, надо искать в восточном Средиземноморье. В отличие от Й. Деэра, А. Грабар не проводит различий между убором «круглым», облегающим голову, и «продолговатым». Точно так же и Кирилл Александрийский изображается то в круглой шапочке, то в слегка заостренной сверху.

²³ См. указания на литературу, авторы которой полагают, что камелавкии в Риме должны были ввести в VII столетии папы греческого происхождения: *Klewitz H.-W.* Op. cit. S. 109.

Предположение Й. Деэра о «круглой» форме камелавкия Константина I выглядит убедительно, но, боюсь, останется недоказуемым. Ведь как П.Э. Шрамм и Й. Деэр, так и другие исследователи, занимавшиеся раннесредневековыми камелавкиями (в связи с историей не только тиары или митры, но и «закрытой» императорской короны), требовали от людей прошлого, пожалуй, чрезмерной точности в словоупотреблении. Слегка вытянутые вверх продолговатые заостренные шапки и шлемы наверняка могли описываться современниками просто как «круглые» — ведь им не было дела до тяги сегодняшних историков к точным определениям²⁴.

Скепсис по отношению к возможностям того формального метода, которым пользовались как П.Э. Шрамм, так и Й. Деэр, выразил и Б. Зирх, сочтя малоубедительными едва ли не все предположения, прозвучавшие в ходе дискуссии между этими двумя учеными²⁵. Тем не менее он сделал из трудов своих предшественников два, думается, вполне справедливых «позитивных» вывода. Во-первых, папский камелавкий не мог относиться к обычному епископскому облачению, потому что Константина I в его константинопольской поездке сопровождали итальянские епископы²⁶, но камелавкий упоминается только в связи с ним одним. Соответственно камелавкий следует в любом случае рассматривать как *особое облачение* именно *папы Римского*. Во-вторых, этот убор не литургический (в отличие от будущей митры), поскольку Константин I надел его при вступлении в город, а не во время богослужения. Появление камелавкия автор считает проявлением «растущего

²⁴ См. об этом: *Kolias T. Kamelaukion // Jb. der österreichischen Byzantinistik. 1982. Jg. 32/3. S. 493–502*. Одного этого простого соображения достаточно, чтобы опрокинуть всю концепцию Э. Пильтц, предположившей (во многом на основе анализа терминологии), что закрытая корона-камелавкий заимствована Юстинианом у остготов, а те, в свою очередь, переняли ее у персов. Победа в Готских войнах 535–554 гг. якобы и отразилась в легенде о том, что корону императорам принесли с неба, см.: *Piltz E. Op. cit.* Впрочем, ее теория крайне сомнительна уже из-за предположения, что римский император будет заимствовать форму своей короны у варварского царька, пусть даже и побежденного. О том, как обычно выстраивались векторы зависимости, см.: *Бойцов М.А. Символический мимесис — в средневековье, но не только // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2004. Вып. 6. М., 2005. С. 355–396*.

²⁵ *Sirch B. Op. cit.*

²⁶ Строго говоря, *Liber pontificalis* сообщает только о двух епископах, отправившихся вместе с папой, причем Никита, епископ Сильва-Кандиды, скончался по дороге (LP. Vol. 1. P. 389–390). Таким образом, из «итальянских епископов» рядом с папой при его въезде в Константинополь мог быть только Георгий, епископ Порто.

политического влияния папы», но не объясняет, почему оно должно было получить именно такое внешнее выражение²⁷.

Дело несколько проясняется, когда Б. Зирх позволяет себе и еще одно, на первый взгляд совсем уже скептическое, допущение, исходя из ныне отвергнутого предположения, что автором интересующей нас части *Liber pontificalis* был Анастасий Библиотекарь (ум. 878/879) — человек незаурядной судьбы, широкого кругозора и немалого политического опыта²⁸. Ведь Анастасий, работавший примерно полутора веками позднее описываемых им событий, мог перенести современную ему символическую практику в прошлое, чтобы подчеркнуть независимость папства от императоров (в данном случае уже из дома Каролингов) и показать, что эта независимость восходит еще ко времени папы Константина I²⁹. Удивительное дело: здесь Б. Зирх неожиданно отказывается от своей выгодной позиции незаинтересованного судьи в споре его предшественников и без всякой аргументации соглашается с одной из «идеологических» точек зрения: использование камелавки — это «реплика» в диалоге пап с императорами, причем, очевидно, она выражает «растущее политическое влияние папы». Однако откуда взялось такое предположение? Разумеется, не из источников, а из той же литературы, которую Б. Зирх несколькими страницами ранее критиковал за неубедительность аргументации.

Один из оттенков соответствующего историографического мнения был уже представлен читателю несколькими страницами ранее: камелавкий представлял собой императорское пожалование папе как высокопоставленному имперскому чиновнику. Однако Б. Зирху, похоже, ближе другой мотив: камелавкий являлся императорской инсигнией, которую папы присвоили, дабы «подчеркнуть свою независимость» от императоров или (что то же самое) продемонстрировать равенство своего сана с императорским. Данное мнение лучше всего представлено, пожалуй, Э. Айхманом. Согласно ему, камелавкий папы Константина I изначально был «головным убором цезаря». Использование камелавки и введение *adoratio* — ритуала поклонения — стало двумя церемониальными

²⁷ Sirch B. Op. cit. S. 90.

²⁸ См. о нем прежде всего: *Devos P. Anastase le Bibliothécaire // Bysantion. 1962. Vol. 32. P. 97–115; Wolter H. Anastasius Bibliotecarius // LexMA. Bde. 1–9. Bd. 1. Lachen am Zürichsee, 1999. Sp. 573–574.*

²⁹ Sirch B. Op. cit. S. 94 и Anm. 398.

новшествами, «завершившими [создание] образа папы-императора»³⁰. Вступив в Константинополь, папа носил камелавкий в своем качестве *summus pontifex*, «но этот знак уподоблял его императору»³¹. Выражение «*summus pontifex*» несколько туманно — оно относится, скорее, к библейскому первосвященнику, автор здесь, вероятно, имел в виду «*pontifex maximus*» — титул римских императоров, являвшихся верховными жрецами государственных культов³². Если так, то концепция Э. Айхмана оказывается вполне стройной: камелавкий представлял собой императорскую инсигнию, причем император носил его в своем качестве *pontifex maximus* — в чем и заключается причина того, почему римские епископы позаимствовали именно эту часть императорского гардероба, а не какую-либо иную. Правда, поскольку от титула *pontifex maximus* отказался уже Грациан (375–383), придется предположить либо что папы весьма рано — еще в IV столетии — получили свою шапку, либо что они заимствовали ее «ретроспективно».

Если Э. Айхман и другие историки, выстраивавшие сходные цепочки рассуждений, правы, выходит, что папы начали добиваться некоего квазиимператорского статуса самое позднее в начале VIII в. — т.е. не только намного ранее разгорания борьбы за инвеституру в конце XI в., но и до появления «Константинова дара», как бы его ни датировать. Для немецких историков тема соперничества и борьбы между средневековой империей и папством всегда была одной из центральных. Тем весомее должен был выглядеть в их глазах аргумент в пользу того, что наследники апостола Петра стремились присвоить себе хотя бы часть императорской символики задолго до рождения не только империи Оттонов, но даже державы Карла Великого — т.е. папы по сути дела «всегда» хотели сравняться с императорами, а то и стать выше их.

II.

Несмотря на то что все гипотезы, высказанные пока по поводу камелавкия Константина I, весьма трудно доказуемы, в этом давнем вопросе можно все же, думается, продвинуться на шаг дальше. Историки,

³⁰ Eichmann E. Op. cit. S. 24.

³¹ «Wenn [...] Papst Konstantin I. das camelaucum [...] in Konstantinopel wie in Rom trägt, so tut er dies wohl als Summus Pontifex — Landesherr war der Papst damals noch nicht —, aber das Zeichen macht ihn doch zugleich kaiserähnlich» (Ibid. S. 27).

³² Б. Зирх понял, что Э. Айхман имел здесь в виду ветхозаветного первосвященника.

интересовавшиеся до сих пор эпизодом 711 г., ограничивались критикой нескольких строк из *Liber pontificalis*, не уделяя почти никакого внимания рисунку исторических, и прежде всего политических, обстоятельств, которые могли сказаться на появлении папского камелавкия в поле зрения римского клирика, написавшего биографию Константина I. Между тем рассмотрение их не только позволяет лучше представить исторический фон церемониального новшества, но и, думается, несколько проясняет его смысл.

Император Юстиниан II провел в 691–692 гг. церковный собор, вошедший в историю под названием «пято-шестого» (*Concilium Quinisextum*, Πενθέκτη σύνοδος), или Трулльского. Собор занимался не догматическими вопросами, а правовыми и дисциплинарными. В итоге обсуждения было принято 102 канона, часть которых просто повторяли более ранние установления, но другие были новыми³³. Папа Сергей I категорически отказался подписать постановления собора, побрезговал даже прикоснуться к присланным ему спискам и запретил их читать и оглашать в Риме³⁴. Причина состояла в том, что ряд канонов был явно направлен против обычаев Римской церкви (которая в нескольких случаях даже прямо называлась) — император решил заняться унификацией церковных порядков по константинопольскому образцу³⁵. С точки зрения Сергея I и его окружения, это было

³³ Из сравнительно малого числа произведений, посвященных этому собору, см. в первую очередь: *Laurent V. L'oeuvre canonique du Concile in Trullo (691–692). Source primaire du droit de l'Église orientale // Rev. des études byzantines. 1965. Vol. 23. P. 7–41; Ohme H. Das Concilium Quinisextum und seine Bischöfsliste: Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692. Berlin; N.Y., 1990. (Arbeiten zur Kirchengeschichte; 56); Idem. Das Concilium Quinisextum — neue Einsichten zu einem umstrittenen Konzil // *Orientalia Christiana Periodica. 1992. Vol. 58. P. 367–400* и сб.: *The Council in Trullo Revisited / ed. by G. Nedungatt, M. Featherstone. Rome, 1995. (Kanonika; 6). Новое издание актов Трулльского собора с переводом их на немецкий язык: Concilium Quinisextum / übers. u. eingel. v. H. Ohme. Turnhout, 2006. (Fontes Christiani; 82). Первое критическое издание актов собора вышло совсем недавно: *Concilium Constantinopolitanum a. 691/2 in Trullo habitum (Concilium Quinisextum) / hrsg. v. H. Ohme, R. Flogaus, Chr.R. Kraus. Berlin, 2013. (Acta Conciliorum Oecumenicorum; Ser. 2). На русском языке самые общие очерки см. в ст.: Карташев А.В. Вселенские соборы. М., 1994. С. 445–449; Вселенский VI собор / Литвинова Л.В. и др. // *Православ. энцикл. Т. 9. М., 2005. С. 628–645.****

³⁴ *LP. Vol. I. P. 373. Об отношении папы Сергея к актам собора см.: Ohme H. Das Concilium Quinisextum und seine Bischöfsliste... S. 55–61.*

³⁵ *Карташев А.В. Указ. соч. С. 445–447. Подробнее см.: Ohme H. Die sogenannten "antirömischen Kanones" des Concilium Quinisextum (692) — Vereinheitlichung als Gefahr für die Einheit der Kirche // The Council in Trullo Revisited... P. 307–321.*

недопустимым ущемлением прав Римской церкви. В ответ на непослушание папы император велел арестовать двух советников Сергия и отправить их в Константинополь. Позднее Юстиниан послал протоспафария Захарию с приказом доставить в столицу и самого папу, однако Захария наткнулся на такое сопротивление римлян, что едва спасся, да и то лишь благодаря заступничеству самого же Сергия³⁶.

Тут в Константинополе очень кстати для папы случился переворот, Юстиниан II был свергнут с престола, искалечен и сослан, но то лет спустя, пережив множество авантюрных приключений, сумел вернуть себе царский венец³⁷. Время второго правления Юстиниана (705–711), политика, безусловно, весьма способного, запомнилось прежде всего жестокими карами, которые он обрушил на своих действительных и мнимых противников, как старинных, так и вновь обретенных. В представлении же папского хрониста Юстиниан II, едва возвратив власть и вступив обратно во дворец, сразу же вернулся к истории с трулльскими канонами: он снова отправил их списки в Рим с требованием к новому папе — Иоанну VII — провести синод, дабы утвердить хотя бы только положения, устраивавшие Римскую церковь, и отвергнуть те, что ей не подходили. Но папа, «устрашенный слабостью человеческой», отослал списки назад, не внося в них никаких поправок, а вскоре после того оставил бранный мир (707 г.)³⁸.

И вот три года спустя Юстиниан II вызывает к себе в столицу нового римского предстоятеля, Константина I. Основной трудностью во взаимоотношениях императора и папы по-прежнему остается отсутствие подписи римского епископа под трулльскими постановлениями. Но если в свое время для решения этой проблемы папу Сергия I предполагалось доставить в столицу чуть ли не в кандалах, то его

³⁶ LP. Vol. I. P. 373–374.

³⁷ Помимо статей в словарях и справочниках, а также разделов в общих трудах по истории Византии, см. пока единственную попытку монографического описания жизни и правления этого императора: *Head C. Justinian II of Byzantium*. Madison, 1972.

³⁸ «Nico palatium ingressus est propriumque adeptus est imperium, pro tomos quos antea sub domno Sergio apostolicae memoriae pontifice Romam direxerat, in quibus diversa capitula Romanae ecclesiae contraria scripta inerant, duos metropolitans episcopos demandavit, dirigens per eos et sacram per quam denominatum pontificem coniuiravit ac adhortavit ut apostolicae ecclesiae concilium adgregaret et quaeque ei visa essent stabiliret et quae adversa rennuendo cassaret. Sed hic, humana fragilitate timidus, hos nequaquam emendans per suprafatos metropolitans direxit ad principem» (LP. Vol. I. P. 385–386). См. также: *Ohme H. Das Concilium Quinisextum und seine Bischöfsliste... S. 61–66.*

преемника Константина ожидали, напротив, необычайные почести. Впрочем, начало поездки, в которую Константин I отправился вместе с несколькими близкими ему клириками 5 октября 710 г., ничего хорошего не предвещало. Когда папа со спутниками, отправившись морем из Остии, ступили на пристань в Неаполе, их встречал там новый экзарх — патрикий Иоанн III Ризокоп, вероятно, сам только что прибывший с Сицилии³⁹. Спустя совсем немного времени он по пути из Неаполя в Равенну заедет в Рим и... казнит там четырех высокопоставленных клириков, оставленных Константином I вести дела Римской церкви в его отсутствие — дьякона и *vicedominus* (т.е. правителя дворца)⁴⁰ Саюлу, «аббата пресвитеров» Сергия, аркария Петра и ординатора Сергия. Во время этой расправы Константин I либо еще ожидал корабля или попутного ветра в порту Неаполя, либо же, скорее, уже был на пути к Сицилии.

Папская хроника оказывается здесь удивительно немногословной: упомянув в двух словах убийство папских приближенных, она воздерживается от каких бы то ни было оценок, объяснений или комментариев, так что повод для расправы остается скрытым от читателя⁴¹. Единственно, хронист усматривает в скорой и жалкой смерти экзарха (то ли в результате восстания его равеннских подданных, то ли, скорее, просто от болезни — историки точно не знают) наказание Божие за умерщвление римских клириков⁴². Тем самым *Liber pontificalis* дает

³⁹ См. о нем прежде всего: A Dictionary of Christian Biography, Literature, Sects and Doctrines during the First Eight Centuries, Being a Continuation of "The Dictionary of the Bible" / ed. by W. Smith, H. Wace: in 4 vols. Vol. 3. L., 1882. P. 429; Hartmann L.M. Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (540–750). Leipzig, 1889. S. 21; Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit / hrsg. v. der Berlin-Brandenburgischen Akad. der Wiss. nach Vorarbeiten F. Winkelmanns erstellt von R.-J. Lilie u.a. Abt. 1: 641–867. Bd. 2: Georgios [Nr. 2183] — [Nr. 4270]. Berlin; N.Y., 2000. S. 250. Nr. 2953.

⁴⁰ Такое разъяснение этой должности приводится в кн.: Richards J. The Popes and the Papacy in the Early Middle Ages, 476–752. L., 1979. P. 298. О должностях в окружении папы, которые, кстати, впервые упоминаются именно в этом тексте, см.: Ibid. P. 275, 297–298.

⁴¹ Исследователи лишь гадают о причинах карательной акции Иоанна Ризокопа. См., например: Hodgkin Th. Italy and Her Invaders, 600–744. Vol. 6. Bk. 7: The Lombard Kingdom. 2nd ed. Oxford, 1916. P. 375–376; Head C. Op. cit. P. 140–141; Stratos A.N. Byzantium in the Seventh Century. Vol. 5: Justinian II, Leontius a. Tiberius: 685–711. Amsterdam, 1980. P. 135.

⁴² «...qui veniens Romam decollavit Saiulum diaconum et vicedominum, Petrum archarium, Sergium abbatem presbiterum et Sergium ordinatorem pergens Ravennam

понять, что поразительную жестокость в Риме Иоанн Ризокоп проявил по сугубо личной инициативе. Последнее, однако, крайне маловероятно: столь крутые меры не могли не произвести сильнейшего впечатления на Константина I. Между тем, поскольку император был крайне заинтересован, чтобы предстоявший визит папы в Новый Рим принес желанные плоды, любые самовольные импровизации со стороны наместника были бы крайне неуместны. Так что эффект от римской расправы наверняка был заранее просчитан государем.

Юстиниан II, как о нем потом сообщали историки, весьма любил психологические игры с подданными, например, возвеличивая и осыпая почестями тех приближенных, кого собирался в ближайшем будущем казнить. В данном случае ситуация обратная: недвусмысленная угроза расправы создавала весьма своеобразный, даже жутковатый фон для последовавших далее преувеличенных проявлений государева благорасположения. Надо думать, что цель как казней, так и чествований была одна — повлиять на психологическое состояние папы и его спутников и сделать их сговорчивее. Однако для автора биографии папы Константина I главное — это почести, оказанные государем римскому епископу, из-за них хронист старательно стилизует Юстиниана II под «христианнейшего» императора. Чтобы не повредить рисуемому им же самим положительному образу, хронисту не стоило углубляться в разбирательство деяний патрикия Иоанна. Между тем в Италии IX в. не было принято вспоминать о Юстиниане II добрым словом. Даже предшествующие очерки в *Liber pontificalis* исполнены ненависти к тирану — в полном контрасте с тоном рассказа о понтификате Константина I. Несколько позднее — примерно в середине IX в. — Агнелл, автор равеннской *Liber pontificalis*, не будет скрывать антипатии к Юстиниану II, что понятно: в 709 г. императорский флот предпринял против Равенны суровую карательную экспедицию⁴³.

proquae suis nefandissimis factis iudicio dei illic turpissima morte occubuit» (LP2. Vol. 1. P. 223).

⁴³ См.: *Agnellus von Ravenna. Liber pontificalis — Bischofsbuch. Lateinisch / Deutsch / Übersetzt u. eingeleitet von Cl. Nauwerth. Teilbd. 1–2. Freiburg; Basel; Wien etc., 1996.*

(*Fontes christiani*; 21/2). Предположение, что Юстиниан II устроил нападение на Равенну, чтобы заручиться поддержкой папы Константина, делается в кн.: *Head C. Op. cit. P. 137–141.* К нему, однако, следует относиться с осторожностью: у Юстиниана были

Для Константина I после отплытия из Неаполя все шло как нельзя лучше. На Сицилии папу с почетом принял патрикий Феодор (это как раз он недавно устроил разгром Равенны). Затем понтифик долго пережидал холода в Гидрунтуме (Отранто). Вероятно, узнав о расправе с его людьми в Риме, он начал колебаться, ехать ли ему далее. Однако Юстиниан, продолжая начатую игру, направляет в Отранто собственного представителя с грамотой («печатью», как пишет автор), в которой предписывалось, чтобы все чиновники («судьи») империи принимали папу так, как если бы видели перед собой самого государя⁴⁴. И Константин продолжил свое многообещающее путешествие на Восток.

Когда папа прибыл, наконец, к Константинополю, его встречали за семь миль от города. Для сравнения: экзарха римляне приветствовали за одну милю⁴⁵, а при вступлении в Рим в 663 г. самого императора Константа II папа Виталиан вышел к нему на расстояние шести миль от городской стены⁴⁶. «Делегация», принимавшая папу Константина, состояла из патрикиев и «всего синклита», «клира и народа», а возглавлялась сыном императора пятилетним Тиверием и патриархом Киром (705–711) (илл. 6). Папа вступал в город при ликовании клириков и простолюдинов, для которых этот день объявили праздничным⁴⁷. (Иными словами, власти, надо полагать, запретили жителям столицы работать, потребовав вместо этого идти приветствовать папу Константина.) Римский епископ и его свита въехали верхом на конях, присланных им из императорской конюшни — сёдла, уздечки

и собственные причины для этой акции. Другое дело, что в Риме, судя по *Liber pontificalis*, к нападению на Равенну и аресту ее архиепископа отнеслись со злорадством: случившееся выглядело справедливым воздаянием за традиционное непослушание равеннской церкви епископу Рима.

⁴⁴ «Dum vero Ydronto moras faceret, eo quod hiemps erat, illic suscepit sigillum imperialem per Theophanium regionarium, continentem ita ut ubiubi denominatus coniungeret pontifex, omnes iudices ita eum honorifice susciperent quasi ipsum praesentaliter imperatorem viderent» (LP. Vol. I. P. 390).

⁴⁵ Судя, например, по тому, как принимали Карла Великого при его первом визите в Рим: «Et dum adpropinquasset fere unius miliario a Romana urbe...» (Ibid. P. 497).

⁴⁶ «Et occurrit ei obviam Apostolicus cum clero suo miliario VI ab urbe Roma et suscepit eum» (Ibid. P. 343).

⁴⁷ «Ubi egressus Tiberius imperator, filius Iustiniani Augusti, cum patriciis et omni sinclito et Cyrus patriarcha cum clero et populi multitudine, omnes letantes et diem festum agentes...» (Ibid. P. 390).

и чепраки сияли золотом⁴⁸. Процессия проследовала во дворец, хотя василевса в то время в столице не было. Юстиниан не стал вызывать Константина I к себе в Никею, но, отправив папе радостное послание, весьма предупредительно назначил встречу в Никомедии — на полпути между Константинополем и Никеей⁴⁹.

Когда же император и папа, наконец, встретились, Юстиниан, не снимая с головы венца, совершил проскинесис перед папой и поцеловал ему ноги. Затем они бросились друг другу в объятия. «И при виде такого смирения доброго государя весь народ сильно возрадовался»⁵⁰. В следующее же воскресенье папа отслужил мессу перед императором, отпустил ему грехи и причастил его.

Падение императора в ноги папе вызывает в этом рассказе, конечно, особый интерес. Исключительным этот жест не являлся: еще в 633 г. вестготский король Сисенанд на IV Толедском соборе падал ниц на землю перед епископами⁵¹. Карл Великий сходным образом совершил *adoratio* для папы Льва III в Падерборне в 799 г.⁵² История

⁴⁸ «... pontifex et eius primates cum sellares imperiales, sellas et frenos inauratos simul et mappulos, ingressi sunt civitatem» (LP. Vol. 1. P. 390).

⁴⁹ «Domnus autem Iustinianus imperator audiens eius adventum magno repletus est gaudio. A Nicea Bythinae misit sacram gratiarum actione plenam, et ut debuisset pontifex occurrere Nicomedia et ipse venire a Nicea. Quod et factum est» (Ibid.). Готовность императора проделать полпути навстречу папе справедливо отмечается в качестве исключительного проявления вежливости (*Ohme H. Das Concilium Quinisextum und seine Bischöfsliste... S. 71*).

⁵⁰ «In die autem, qua se vicissim viderunt, Augustus christianissimus cum regno in capite sese prostravit et pedes osculans pontificis deinde in amplexu mutuo corruerunt; et facta est letitia magna in populo, omnibus aspicientibus tantam humilitatem boni principis» (LP2. Vol. 1. P. 224).

⁵¹ «... primum gratias salvatori nostro deo omnipotenti egimus, post haec antefato ministro eius excellentissimo et glorioso regi, cuius tanta erga deum devotio extat, ut non solum in rebus humanis, sed etiam in causis divinis sollicitus maneat. Hic quippe dum in basilica beatissimae et sanctae martyris Leocadiae omnium nostrum pariter iam coetus adesset pro merito fidei suae cum magnificentissimis et nobilissimis viris ingressus, primum coram sacerdotibus dei humi prostratus, cum lacrimis et gemitibus pro se interveniendum domino postulavit» (Collectio Hispana Gallica Augustodunensis (Codex Vat. lat. 1341) [Electronic resource]. Fol. 71vb. URL: http://www.benedictus.mgh.de/quellen/chga/chga_046t.htm). Необходимо учитывать, что Сисенанд получил корону не по закону, а в результате переворота. Возможно, именно это обстоятельство стало причиной проскинесиса и слез, которыми он обливался перед соборными отцами.

⁵² МакКормик М. Карл Великий и Лев III: встреча в Падерборне в 799 году. Репрезентация королевской власти и визуализация одной концепции правления // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2003. М., 2003. С. 25–41, здесь С. 32–33.

«государевых проскинесисов» в Византии пока не изучена и даже соответствующий материал еще не собран. Тот же, что сейчас известен, относится в основном уже к IX столетию. Так, во-первых, показателен фрагмент из обращения императора Василия I к Константинопольскому собору 869–870 гг. (точнее говоря, к сторонникам патриарха Фотия, осужденным соборными отцами)⁵³. Император призывает их покаяться и говорит устами своего секретаря, что и сам может подать им пример. Ведь нет стыда в том, чтобы простереться перед Господом: государь и сам первым готов броситься перед Ним на землю, несмотря на пурпур и диадему. «Давите мои щеки, ходите по моим глазам, не стесняйтесь попирать спину императора, касаться ступнями головы, на которую возложен данный Богом венец»⁵⁴. На все это василевс готов — ради восстановления церковного единства⁵⁵. Во-вторых, проскинесис василевса изображен на знаменитой мозаике в тимпане главного портала нартекса собора св. Софии в Константинополе (илл. 7). Императора, простершегося в царском облачении и с венцом на голове перед Христом, восседающим на троне, обычно считают либо Василием I (867–886)⁵⁶, либо же, что вероятнее, Львом VI (886–912). Оба приведенных

⁵³ Подробности см., например, в кн.: *Stiernon D. Konstantinopel IV. Mainz, 1975. (Geschichte der ökumenischen Konzilien; 5). О приводимых словах Василия I см.: Ibid. S. 143–144.*

⁵⁴ См. более пространную латинскую версию: «Qualis autem & est confusio, fratres, procidere Deo, & veniam expetere? [...] Confusio quidem re vera est, & maximus pudor, immo vero in Deum dimicatio, nolle unumquemque proprium confiteri peccatum, & humiliari propter Christum, & lucrari & se & multos. Si autem omnino hoc confusionem arbitramini, ego, cui imperii superposita est corona, forma vobis efficiar hujus optimaе humilitatis: ego qui imperitus, & insipiens sum, bonum initium ero vestrum, qui sapientes estis & clari scientia: qui in peccatis volutatus sum, primus vobis typus fiam, qui mundi estis, & virtuti operam datis: ego primus memet super pavementum projicio, purpuram & diademam parvipendens. Ascendite ad genas meas, & per oculos meos incedite, nec reputetis magnum imperatoris calcare scapulas, neque vereamini pedibus tangere verticem, cui superimponitur a Deo donata corona» (*Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio / ed. G.D. Mansi. T. 16. Venezia, 1771. Col. 94*). Латинский и греческий тексты воспроизведены также в ст.: *Scharf J. Der Kaiser in Proskynese. Bemerkungen zur Deutung des Kaisermosaiks im Narthex der Hagia Sophia von Konstantinopel // Festschr. Percy Ernst Schramm zu seinem siebzigsten Geburtstag von Schülern u. Freunden zugeeignet. Bd. 1. Wiesbaden, 1964. S. 27–35, здесь S. 29. Anm. 16.*

⁵⁵ Действительно ли это высказывание императора можно назвать революционным для средневековой мысли, как считает Н. Ойкономидис, еще требует выяснения. См.: *Oikonomides N. Leo VI and the Narthex Mosaic of Saint Sophia // DOP. 1976. Vol. 30. P. 151–172, здесь P. 160. Ср. также: Scharf J. Op. cit. S. 28–31.*

⁵⁶ Так, например: *Ibid.*

примера выражают, похоже, готовность благочестивых императоров падать ниц перед Господом или же перед теми, кто в их глазах Господа воплощает — перед святыми людьми и епископами. Если данный намек понят мной правильно, то Юстиниан II приветствовал епископа Римского как святого и воплощение Господа. (Известны, кстати, и другие случаи, когда императоры совершали проскинесис перед папами⁵⁷.) Стоит, правда, учесть, что, проявляя публично такое исключительное смирение, государь и себя самого успешно «стилизировал» в качестве правителя, исполненного исключительного благочестия. Предположение Х. Оме, что и Константин должен был совершить «встречный» проскинесис перед императором, о котором хронист счел нужным умолчать, не лишено оснований, но и не доказуемо⁵⁸.

Автор *Liber pontificalis* обратил внимание на деталь, для него существенную: император пал к ногам Константина I, не снимая с головы царского венца (*regnum*). Вопрос о том, выполняет ли правитель тот или иной символический жест со всеми знаками его сана или же без них, не потеряет значимости на протяжении всего Средневековья. В доказательство можно привести пример, заведомо далекий как в географическом отношении, так и в хронологическом. В 1298 г. чешский король Вацлав II выполнял с короной на голове положенную ему по церемониалу службу виночерпия для своего сеньора — короля Римского Альбрехта I Габсбурга, — но делал это не по обязанности, а «из чистой любви, которую питал к персоне» государя⁵⁹. По такому случаю Вацлав получил привилегию, закреплявшую за ним самим и его преемниками право носить корону в аналогичных случаях не по обязанности, а только по собственному желанию⁶⁰. К этому пожалованию

⁵⁷ Примеры см. в кн.: *Heldmann K.* Das Kaisertum Karls des Großen: Theorien und Wirklichkeit. Weimar, 1928. S. 290. Anm. 4. (Quellen u. Studien zur Verfassungsgeschichte des Deutschen Reiches in Mittelalter u. Neuzeit; 6, 2).

⁵⁸ *Ohme H.* Das Concilium Quinixentum und seine Bischöfsliste... S. 73. Автор справедливо ссылается на кн.: *Treitinger O.* Die Oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Jena, 1938. S. 89–90. См. также: *Ensslin W.* Papst Johannes I. als Gesandter Theoderichs des Grossen bei Kaiser Justinus I. // *BZ.* 1951. Bd. 44. S. 127–134, здесь S. 134.

⁵⁹ «... hoc non de iure, sed ex mera dilectione, quam ad nostrum gerit personam...» (MGH Const. T. 4. P. 1. Hannoverae; Lipsiae, 1906. Nr. 35. P. 31–32, здесь P. 32 (17.11.1298)).

⁶⁰ «... facimus [...] quod licet illustres reges Boemie, dum rogati per reges vel imperatores Romanorum eos ad solempnem eorum curiam venire contingit, predictis rege vel imperatore coronam regalem gestantibus, cum eisdem et eis presentibus corona regia uti

чешские короли относились со всей серьезностью: в 1348 г. император Карл IV Люксембург (он же король Чехии Карл I) подтвердит привилегию, пожалованную Альбрехтом⁶¹, а в 1356 г. включит ее в свою Золотую буллу, которой суждено будет на несколько столетий оставаться самым авторитетным имперским уложением⁶² (илл. 8). Наличие или отсутствие инсигний при церемониальной ситуации показывает, надо полагать, в каком качестве человек выступает: то ли как носитель сана, то ли как частное лицо. Если так, то придется признать, что в 711 г. ступни Константина лобзал не только благочестивый христианин Юстиниан, но и император, глава христианского мира.

Помимо того, стоит в будущем проверить, не заключался ли в императорском проскинесисе 711 г. уже тот особый смысл, который историки усмотрели в одном похожем, хотя и намного более позднем эпизоде. Когда германский король Генрих II (1002–1024) задумал создать Бамбергское епископство, его план вызвал серьезное сопротивление церковных иерархов. В 1007 г. высшее духовенство всех германских земель собралось во Франкфурте обсудить это намерение государя. Свое обращение к собору император начал с проскинесиса⁶³. Более того, «всякий раз, как король замечал, что судьи (т.е. епископы. — М. Б.) начинают склоняться к неблагоприятному приговору, он смиренно падал ниц [перед ними]»⁶⁴. Смысл этих жестов исследователи объясняют следующим образом: демонстративное смирение государя делало его просьбу неотклоняемой — проскинесис государя, его публичное унижение представляли собой тот последний аргумент, против которого епископы уже никак не могли возразить⁶⁵.

possint, non tamen in corona regia debent predicti reges Boemie predictis regi vel imperatori ministrare in officio pincernatus» (Ibid.).

⁶¹ Текст см в кн.: *Zeumer K. Die Goldene Bulle Kaiser Karls IV. Bde. 1–2. Bd. 2. Weimar, 1908. Nr. 6. S. 60–61.*

⁶² «Preterea in celebratione imperialis curie [...] primum vero potum rex Boemie, quem tamen sub corona regali iuxta privilegiorum regni sui continentiam, nisi libera voluntate voluerit, non tenebitur ministrare...» (MGH Const. T. II. Weimar, 1978–1992. P. 582 (IV. 3)).

⁶³ «Consedentibus igitur hoc concilio per ordinem archiepiscopis cum suis suffraganeis rex Heinricus humillimus humotenus prosternitur et a Willigiso archiepiscopo, in cuius diocesi synodus habebatur, elevatus...» (*Thietmar von Merseburg. Chronikon / hrsg. v. R. Holtzmann. Berlin, 1935. S. 311 (VI. 31). (MGH SSrGNS; 9).*)

⁶⁴ «Inter haec quociens rex anxiam iudicum sententiam nutare prospexit, toties prostratus humiliatur» (Ibid. S. 312. (VI. 32)).

⁶⁵ *Althoff G. Zur Bedeutung symbolischer Kommunikation für das Verständnis des Mittelalters // FMASt. 1997. Bd. 31. S. 370–389; Weinfurter St. Authority and Legitimation of*

Маловероятно, чтобы Генрих II являлся изобретателем «проскинесиса как убедительной просьбы» — скорее он использовал хорошо понятный современникам прием из уже накопленного арсенала средств политического символизма⁶⁶. Имелось ли это средство уже в распоряжении Юстиниана II, сказать определенно, разумеется, нельзя — во всяком случае до тех пор, пока не будут выявлены примеры его применения между VIII и XI вв. Тем не менее, как мы уже знаем, Юстиниану безусловно не помешал бы какой-нибудь действенный «последний аргумент», возразить на который папе было бы нечего.

Автор главы в *Liber pontificalis* не объясняет, по какой причине папе Константину достались неслыханные почести, более того — он ни слова не говорит и о том, ради чего, собственно, император так настойчиво звал его к себе. Из самого рассказа о поездке папы на Восток можно сделать вывод, что тот провел целый год вне Рима лишь ради того, чтобы принять почести при вступлении в столицу, причастить императора и отпустить ему грехи. Конечно, и такая миссия имела бы большое политическое значение, если бы папа Константин отличался выдающейся личной святостью. Однако при всем хорошем отношении к нему хрониста, биография папы не дает для такого предположения никаких оснований. Ближе к сути дела, вероятно, подводит упоминание, что император подтвердил все права церкви (надо понимать, естественно, Римской), отпуская папу в обратный путь⁶⁷.

Рисунок политических обстоятельств, намеченный выше, с самого начала наводит на простую мысль, что небывало теплый прием был очередным средством склонить римского понтифика к признанию трульских установлений или хотя бы части из них. Хронист, однако, не позволяет себе даже намека на какие бы то ни было переговоры между императором и папой, и только в биографии преемника Константина, папы Григория II (715–731), участвовавшего в поездке 711 г., автор проговаривается: оказывается, дьякон Григорий «отвечал наилучшим образом на вопросы императора Юстиниана о некоторых

Royal Policy and Action: The Case of Henry II // *Medieval Concepts of the Past: Ritual, Memory, Historiography* / ed. by G. Althoff, J. Fried, P. Geary. Cambridge, N.Y., 2002.

Р. 19–37, здесь Р. 19–20.

⁶⁶ Такое предположение сделано уже в ст.: *Бойцов М.А.* Указ. соч. С. 383.

⁶⁷ «...omnia privilegia ecclesiae renovavit...» (LP. Vol. I. P. 391).

постановлениях и разрешал любой [богословский] вопрос»⁶⁸. Ни единым словом автор не обмолвился об отношении Константина к трулльским канонам, хотя его предшественники не без удовольствия описывали, как отклоняли их предыдущие папы. Учитывая, что встреча Константина I и Юстиниана II закончилась подтверждением привилегий Римской церкви, и принимая во внимание внешне удивительно теплые отношения между государем и папой, приходится допустить, что Константин все же пошел на уступки в принципиальном для императора вопросе. Все историки сходятся на том, что в ходе встречи был достигнут компромисс, позволивший сторонам расстаться довольными друг другом⁶⁹.

Угадать вероятное содержание этого компромисса не так уж трудно: Константин I согласился с канонами, не противоречившими обычаям Римской церкви. Как показал ранее неудавшийся «диалог» между Юстинианом II и папой Иоанном VII, такая формулировка государя вполне устроила бы. Однако своей подписи Константин I под канонами не поставил, как, впрочем, вероятно, и Юстиниан II не дал письменного подтверждения привилегий Римской церкви — будь то ее старинных прав, будь то новых преимуществ, которые Константин I мог выторговать в обмен на уступки в вопросе о Трулльском соборе.

По возвращении папы в Рим его шаги навстречу императору были, очевидно, преданы забвению — о чем свидетельствует выразительное молчание хрониста обо всем относящемся к трулльским канонам. Соответственно и удивительную предупредительность Юстиниана пришлось представлять в хронике исключительно в виде бескорыстного проявления его личного благочестия и смирения, а не в качестве средства достижения определенной политической цели.

III.

Только теперь, после того как прояснилось (насколько это вообще возможно) политическое содержание визита Константина I в Константинополь, следует заняться изучением загадочной детали его облачения — камелавкия. Упоминание хрониста о нем помещено *между*

⁶⁸ «... atque a Iustiniano principe inquisitus de quibusdam capitulis optimam responsonem unamquamque solvit quaestionem...» (LP. Vol. I. P. 396). Ср.: *Ohme H. Das Concilium Quinisextum und seine Bischöfsliste... S. 72.*

⁶⁹ *Ibid.* S. 73 с указаниями на работы других исследователей в примеч. 81.

описанием вступления высокого гостя с пышной свитой в имперскую столицу и полужаргой о том, как папа, покинув императорский дворец, «поспешил» в так называемый дом Плацидии (Плакиды), с VI столетия служивший резиденцией как папским представителям (апокрисияриям), так и самим папам — как, например, Вигилию (537–555), около восьми лет прожившему в Константинополе⁷⁰. Хотя точное место «дома Плацидии» не установлено, известно, что он находился рядом с церковью Петра и Павла и храмом Сергия и Вакха, составлявшими единый комплекс⁷¹ (илл. 9). Если церковь полностью уничтожена, то храм привлекает множество туристов и сегодня, благодаря чему можно уверенно утверждать, что «папское надворье» находилось совсем рядом с Большим дворцом. Папе вовсе не обязательно было вновь садиться в седло, чтобы добраться до своего пристанища. Пешком можно было преодолеть весь путь за считанные минуты.

Х.-В. Клевиц, анализируя эпизод 711 г., представляет дело так, будто папа был в камелавкии, когда ехал верхом от того места за семь миль до города, где его встречали, через весь Константинополь к императорскому дворцу. Зато Г. Ладнер и Б. Зирх полагают, что о наличии шапочки на голове папы рассказчик говорит только в связи со вторым этапом вступления — когда Константин I вышел из дворца и направился к «дому Плацидии». Синтаксическая структура фразы делает вторую версию, действительно, более вероятной, из чего следует, что в императорском дворце папа сменил облачение и выглядел во второй части своего пути по городу иначе, чем в первой. Разница между двумя этапами его шествия состоит в том, что *официальная* церемония встречи связана прежде всего с первым из них: она должна была завершиться как раз во дворце, где, надо полагать, совсем юный Тиверий по поручению отсутствовавшего императора «принял» римского епископа и получил от него благословение. Весьма уместен был бы при приеме столь высокого уровня и молебен в соборе св. Софии или же дворцовой церкви, о котором хронист, однако, не сообщает — вероятно, потому, что отслужить литургию по такому случаю полагалось не папе, а кому-либо из местного духовенства — скорее всего патриарху Киру.

⁷⁰ «... a palatio egressus in Placidias usque, ubi placitus erat, properavit» (LP. Vol. 1. P. 390); ср.: Janin R. Constantinople byzantine: développement urbain et répertoire topographique. P., 1950. P. 135. (Archives de l'Orient chrétien; 4).

⁷¹ LP. Vol. 1. P. 394; Janin R. Op. cit. P. 135.

Когда Константин I покинул дворец, кульминация торжеств была позади: при церемониях *adventus* (торжественного вступления) проезд прибывшего в город правителя или почетного гостя к отведенному ему жилищу носит уже скорее технический, нежели церемониальный характер. На основании имеющихся аналогий резонно полагать, что ни Тиверий, ни патриарх Кир не сопровождали папу до «дома Пладиции». Однако именно на этом, так сказать, постцеремониальном, этапе наш автор почему-то счел нужным изобразить своего героя с камелавкием на голове. Если бы ношение камелавкия было демонстрацией, да еще адресованной императору, момент для нее был безнадежно упущен. Публично «подчеркивать независимость» от императорской власти при помощи «головного убора цезаря», создавать «образ папы-императора» нужно было раньше — во время долгого проезда от Золотых ворот (илл. 10–11) через весь город, а не теперь — при коротком переходе от дворца до «дома Пладиции». Однако политический контекст визита папы Константина, на мой взгляд, менее всего располагал к какой бы то ни было дерзости: если бы Константин I вздумал подчеркивать свое равенство с императором или выражать претензию хотя бы на часть императорских прерогатив, он, думается, легко мог бы разделить печальную судьбу дьякона Саюлы, аббата Сергия, аркария Петра и ординатора Сергия. Непонятно, кстати, и почему биограф Константина счел бы нужным упоминать символическое покушение своего героя на прерогативы столь хорошего императора, каким в этом очерке изображен Юстиниан II. Представляется, что общий фон, на котором мы смутно различаем фигуру Константина I в камелавкии, как раз *совершенно исключает* всякую возможность возникновения у его современников каких бы то ни было ассоциаций между головным убором папы и императорской властью. Историки, утверждающие обратное, допускают, думается, грубый анахронизм.

Папа Константин ехал в столицу не ради того, чтобы оспаривать у легкого на расправу государя его полномочия, — он прибыл как послушный подданный. В его задачу входило не допустить ущерба для Римской церкви и защитить ее права, нарушенные трульскими постановлениями. Линия же императора, надо полагать, состояла в демонстративном подчеркивании почтения к церкви Рима и ее предстоятелю, во внушении Константину мысли, что трульские каноны

в целом никак не ущемляют Римскую церковь, а потому вполне могут быть одобрены папой. Если так, то либо сам камелавкий, либо его ношение должны быть как-то связаны именно с привилегиями Римской церкви — и в тексте *Liber pontificalis* содержится, действительно, вполне прозрачный намек на это. Папы имеют обыкновение шествовать по Риму с камелавкием на голове, а теперь им не запрещают соблюсти тот же обычай и в столице империи. Поскольку при собственно въезде в город папа был, судя по тексту биографии, без головного убора, а надел его только выходя из дворца, резонно допустить, что именно во дворце он и получил разрешение появиться на людях в камелавкии. Так что и без того скромная и непродолжительная (судя по расстоянию от Большого дворца до «дома Плацидии») демонстрация папой своей шапочки предстает при ближайшем рассмотрении отнюдь не дерзкой импровизацией, а заранее согласованной с местными властями и дозволенной ими акцией.

Вчитаемся внимательнее в строки биографии папы Константина. Наряду с классическим изданием Л. Дюшена имеется издание *Liber pontificalis*, подготовленное Т. Моммзенем. Хотя немецкий исследователь работал позднее своего французского коллеги, историки почти не пользуются трудом Т. Моммзена — потому что он успел завершить только первый том, а продолжение так и не увидело свет. Между тем именно во фразе, где упоминается камелавкий, Т. Моммзен отмечает существенное расхождение между основными группами рукописей. Оно было вызвано, очевидно, вмешательством средневекового редактора, сгладившего то, что показалось ему смысловым повтором. Если в первой группе рукописей подчеркивалось, что папа предстал с камелавкием на голове в городе (*in civitate*)⁷², то в двух других это слово было убрано, поскольку редактору, надо полагать, казалось и без того ясным, что дело происходит в Константинополе, а значит, в городе, а не где-либо в чистом поле⁷³. Думается, что редактор тут допустил ошиб-

⁷² «...ingressi sunt civitatem apostolicus pontifex cum camelaucio in civitate (выделено мной. — М. Б.), ut solitus est Roma procedere, a palatio egressus in Placidias, usque, ubi placitus erat, properavit» (LP₂. P. 223–224).

⁷³ «...ingressi sunt Constantinopolim et (выделено мной. — М. Б.) apostolicus pontifex cum camelaucio, ut solitus est Roma procedere, a palatio egressus in Placidias, usque, ubi placitus erat, properavit» (Ibid.). В издании Л. Дюшена основной оказывается версия, синтаксическую неуклюжесть которой издатель пытается поправить, поставив точку с запятой между «civitatem» и «apostolicus»: «...ingressi sunt civitatem; apostolicus

ку, не уловив содержавшегося во фразе оттенка, смыслового ударения, приняв его за банальную тавтологию. Слово «*civitas*» с самого начала обозначало город в качестве не совокупности построек, а сообщества граждан. Трансформация римской гражданской общины в общину церковную здесь мало что изменило по сути: на рубеже Античности и Средневековья «*civitas*» по-прежнему относится не к материальным объектам, а к социальной организации — только теперь к христианам, объединенным в церковную общину во главе с епископом. Для Италии с ее высоким уровнем урбанизации и давними христианскими традициями превращение понятий «город» и «епископство» в синонимы более чем естественно. Когда Ш. Дюканж объясняет «*civitas*» как «*urbs episcopalis*» («город — центр епископства») ⁷⁴, он фиксирует именно такие реалии.

Прибыв в Константинополь, папа римский оказывается в чужой «*urbs episcopalis*», где главным лицом является патриарх Кир. И именно в этом, думается, корень проблемы с папским камелавкием. Папа носит его не вообще во всякой *civitas*, а в «своей» *civitas* — т.е. в своем епископстве. Как быть с камелавкием не просто в чужом диоцезе, но даже в чужом патриархате? Суть проблемы можно понять, зная некоторые общие правила обращения с политической символикой в Античности и Средневековье. Знаки почетных полномочий дозволено демонстрировать, как правило, в тех территориальных пределах, на которые распространяются данные полномочия. Так, архиепископ носит паллий только в границах своего архиепископства, и один лишь папа имеет право носить паллий повсюду, что является символическим выражением универсальности его власти как главы всей церкви ⁷⁵.

pontifex cum camelaucio, ut solitus est Roma procedere, a palatio egressus in Placidias, usque, ubi placitus erat, properavit» (LP. Vol. 1. P. 390). В этом за Дюшеном следует и издатель одной из поздних версий папской хроники: «... ingressi sunt civitatem; apostolicus vero pontifex cum camelaucio, ut solitus est Romam procedere, a palatio egressus, in Placidias, usque, ubi hospitaturus erat, properavit» (*Liber pontificalis* nella recensione de Pietro Guglielmo OSB e del card. Pandolfo, glossato di Pietro Bohier OSB, vescovo di Orvieto / a cura di U. Převorský. Vol. 1–3. Vol. 2. Roma, 1978. P. 268. (Studia Gratiana; 22).

⁷⁴ *Du Cange Ch. Glossarium ad scriptores mediae et infimae Latinitatis*. Т. 1: А–С. Frankfurt a.M., 1710. Col. 1107.

⁷⁵ На Западе было распространено ошибочное мнение, будто и патриарх Константинопольский изначально носил паллий только с разрешения папы римского, притом вплоть до 933 г., когда патриарху Феофилаксу якобы удалось получить

Для римского хрониста камелавкий, очевидно, примерно такой же символ *пастырской* власти, как и паллий. Радостного удивления и фиксации в официальной хронике заслуживало то обстоятельство, что папе позволили предстать с этим символом в самом центре митрополии его коллеги-соперника, патриарха Константинопольского. Символическая ценность камелавкия на голове папы особенно возрасла в условиях, когда трулльские постановления создавали угрозу нивелирования особенностей Римской церкви и подгонки ее под константинопольские обычаи. Если бы папа выступал без уже привычного ему камелавкия, это означало бы принципиальный отказ от выполнения пастырских функций в сфере влияния константинопольской кафедры. Но Константин отказываться от них, надо полагать, не собирався. Более того, шествие папы в камелавкии по Константинополю можно было бы, вероятно, при желании рассматривать как выражение не только равенства патриарху, но, возможно, и превосходства над ним, как свидетельство подчиненности местной церкви апостольскому престолу. Именно «при желании», поскольку вряд ли уже существовали правила ношения церковными иерархами их головных уборов в своих и чужих диоцезах, столь же жесткие, какие в конце концов сложатся в отношении паллиев. Смысл символического действия обычно не предопределен заранее, а складывается только в ходе борьбы за ту или иную его интерпретацию. Если в Риме весть о хождении папы по Константинополю в камелавкии могла, допустим, восприниматься как доказательство нерушимости обычаев Римской церкви, а то и права римского понтифика осуществлять апостолическое служение по всему Востоку, то в самом Константинополе в той же самой ситуации вполне могли усмотреть не более чем проявление вежливости по отношению к высокому и редкому гостю.

История с камелавкием Константина могла бы решительно проясниться, как только удалось бы выяснить, украшал ли какой-нибудь

из Рима привилегию, освобождавшую его кафедру от этой зависимости: «Scimus, immo videmus Constantinopolitanum episcopum pallio non uti nisi sancti patris nostri permissu. Verum cum impiissimus Albericus [...] Romanam civitatem sibi usurparet [...] Romanus imperator [...] missis ei muneribus satis magnis effecit, ut ex papae nomine Theophylacto patriarchae literae mitterentur, quarum auctoritate cum ipse tum successores eius absque papae permissu palliis uterentur» (Liudprandi relatio de legatione Constantinopolitana // Die Werke Liudprands von Cremona / hrsg. v. J. Becker. Hannover; Leipzig, 1915. P. 175–212. (MGH SsrGus; [41]), здесь P. 209–210 (с. 62)).

головной убор голову патриарха Кира. Если Кир явился на встречу папы в камелавкии, куколе, клобуке, скуфье или даже просто капюшоне, то Константин, надев во дворце свой камелавкий, возможно, желал всего лишь подчеркнуть свое равенство с патриархом. Однако если голова Кира была не покрыта, то Константин, выходит, сознательно стремился к выражению символического превосходства над патриархом. Поскольку сложившиеся обстоятельства, как уже не раз говорилось, не поощряли папу к проявлениям вызывающей дерзости, первый вариант представляется более вероятным. Впрочем, пока не обнаружены свидетельства о наличии или отсутствии «статусных» головных уборов у патриархов Константинопольских в VII–VIII столетиях, обе обрисованные возможности остаются сугубо умозрительными.

Как бы то ни было, возникший в Константинополе прецедент безусловно стоило зафиксировать в папской хронике, чтобы при случае ссылаться на него, естественно, в подходящем ключе. Если предложенная выше реконструкция мотивов появления этой записи в *Liber pontificalis* верна, то заслуживает быть специально отмеченным, что хронист здесь проявляет понимание принципа, так сказать, «территориального ограничения» применимости символов определенной властной компетентности — принципа, сложившегося, вне всякого сомнения, еще в Римской империи.

Впрочем, более существенным представляется другой вывод из истории о последнем в Средние века посещении папой Константинополя. Римский камелавкий, действительно, похоже, связан с «камелавкием» первосвященника Аарона и выражает статус если и не обязательно именно патриарха, то, во всяком случае, куда более высокий, чем обычного епископа. Подчеркнем еще раз: нет оснований полагать, будто камелавкий папы Константина выявил какие бы то ни было претензии на участие в осуществлении императорских полномочий, на превращение римского епископа в «папу-императора». В качестве партнера-соперника, с которым папе приходится вести символическую борьбу, здесь выступает (конечно, только между строк) патриарх Константинопольский, а вовсе не «благочестивый» василевс Юстиниан II. Римские епископы уже могут позволить себе оказывать неповиновение императорам, но пока еще нет признаков того, чтобы они готовились присвоить какие-либо символы императорской власти.

Авторы

Илья Игоревич Аникьев

Ассистент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Михаил Анатольевич Бойцов

Доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук, заведующий Научно-учебной лабораторией медиевистических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Андрей Юрьевич Виноградов

Доктор филологических наук, доцент Школы исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Олег Сергеевич Воскобойников

Доктор исторических наук, PhD, профессор Школы исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Михаил Владимирович Дмитриев

Доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Владимир Яковлевич Петрухин

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, профессор факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Фёдор Борисович Успенский

Член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, заместитель директора Института русского языка РАН, главный научный сотрудник Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Abstracts

Mikhail Boytsov

The Pope Visiting to Constantinople

The article elucidates the political and symbolical circumstances of the last — before the 20th century — visit of a Pope to the city of Constantinople. The Pope Constantine arrived at the city gates of the New Rome in October 711 following the persuasive invitation of the emperor Justinian II. For historians of medieval political symbolism this episode has always been of particular relevance, due to the fact that on this very case a special headgear of Roman pontiffs was mentioned for the first time. According to the *Liber pontificalis*, the Pope moved along the streets of Constantinople with a *camelaucum* on his head. The historians have sought intensively for symbolic meaning of this demonstration, as well as for possible relations between the *camelaucum* of 711, on the one hand, and the later Roman mitre and tiara (*frygium, corona papalis*), on the other. The author claims that this episode must be understood in the context of the long standing disagreements between Justinian II and the Popes concerning the canons of the Council in Trullo (692). Nevertheless, the use of the *camelaucum* by Constantine had nothing to deal with his supposed ambitions to usurp some of the emperor's prerogatives, as this was often argued by modern scholars. Even if this gesture could be interpreted as an act of symbolic rivalry, it was pointed surely only at the patriarch, not at the emperor.

Vladimir Petrukhin

Khazarian Beginning of Russian History

The article is devoted to analysis of early mentions of *Rus'* in its relations with Khazarian khaganate, Scandinavia and Byzantium: the first mention of the Embassy of *Rus'* with "their ruler khagan" in external source (839, *Annales Bertiniani*) and the first description of the relations of the Slavs (resp. *Rus'*) with the Khazars in the cosmographic introduction to the Primary Russian Chronicle (the legend of the Khazar tribute). This is the first mention of *Rus'* is obviously connected with the construction of the Khazarian Sarkel by the Byzantines around 840 — the Russians "from the genus of Sueones/Swedes" accompanied the Embassy of Khazarian khagan to Constantinople. The legend from the Primary Chronicle concerning the Slavonic tribute with swords reproduces biblical *topos*: "Khazar yoke" here refers to the prehistory of *Rus'*, it equates to the biblical "exodus from Egypt". However, Khazarian archaeological complexes with broadswords on the border of Slavic area demonstrate historical background of the chronicle legend.

Feodor Uspensky

Under Fly of Victory. King Sverrir and his Standard

Battle flag of the Norwegian King Sverrir, under which his supporters fought many times, was called “Fly of Victory” (*Sigrfluga*), looking — to put it mildly — exotic even against the nontrivial names of weapons, ships and other military artefacts, known to us from sagas. The paper deals with the question of what could have been depicted on the banner with such an obscure name and the reasons of this choice for the insignia. Traditionally, the term *Sigrfluga* was considered by scholars as but a kenning of raven or eagle, but this explanation seems not entirely convincing. We attempt to provide an alternative interpretation of the its meaning and origin.

Andrei Vinogradov

Christian Architecture after Arabs:

Searching for New Identity. Abkhazia Kingdom,

Tao-Klarjeti, Kartli and Kakheti

The author studies similarities and differences in the search for a new architectural identity in Abkhazia Kingdom, Tao-Klarjeti, Kartli and Kakheti in post-Arabian period (9th–11th cc.). It turns out that there was not only a common unity, but even any unity within each of the regions. The main vectors of architectural development there can be described as autochthonous (as in Tao-Klarjeti) and borrowing (as in Kakheti), although they do not appear in pure form. Two other vectors can be distinguished also: complicating (local development of borrowed forms, as in the “Abkhazian” school and Tao) and simplifying (as in Western Kakheti and Kartli). The regions are different also from a diachronic perspective of church building: in Western Kartli it occurs in the 2nd half of 9th — the early 10th c.; in the Abkhazian Kingdom — in the late 9th c. — about 970; in Kakhetian chorepiscopate — in the 2nd half of 10th c. — the mid-11th c.; in Tao-Klarjeti — in 820-ies — 1030-ies. Of the similarities, it may be noted the choice in favour of domed church versus Basilica, which was due in part to the pre-Arabic architecture of the Caucasus. It is also a trend towards cross-in-square church with pillars, which distinguishes post-Arabian Georgian from Armenian architecture and will form the basis of the architecture of the United Georgian Kingdom.

Oleg Voskoboynikov

Literary Foundations of Gothic Physiognomy

The article proposes a comparative analysis of some texts, from the middle 12th century to the middle 13th century, that, in author’s opinion, can explain the much